

На пути к новой социологии: ценности и сакральное

Валерий Фадеев

Научный руководитель Института наследия и современного общества.
Российский государственный гуманитарный университет (Москва).
Российская Федерация, 125047, Миусская площадь, д. 6.

E-mail: iniso@rggu.ru

Аннотация. В статье ставится вопрос о необходимости радикального методологического обновления общественных наук в связи с необходимостью расширения их предмета за пределы эмпирических данностей. Эту задачу порождает мировой цивилизационный кризис и связанная с ним проблема ценностных оснований общественной жизни. Господство позитивистской традиции и постепенное вытеснение неэмпирических объектов из поля науки привело к неспособности эмпирически ориентированных общественных наук работать с ключевым фактором долгосрочной регуляции общественной жизни – ценностями, принадлежащими сфере сакрального, то есть выходящего за рамки рационального и измеряемого. Необходимо обратиться к невостребованному наследию основателей современной социологии – М. Вебера, Э. Дюргейма и П. Сорокина – и вернуть сакральное в поле науки, признав его феноменологически значимой частью общественной жизни и сделав ставку на преодоление ограничений позитивистской науки вместо отказа от исследования неудобных предметов или их подмены суррогатными эмпирическими формами.

Ключевые слова: социология, ценности, сакральное, методология общественных наук

Для цитирования: Фадеев В. А. (2024). На пути к новой социологии: ценности и сакральное // Patria. Т. 1. № 1. С. 104–112.

Интерес к ценностям

Обозначенный в последнее время, даже с некоторой особенной силой, интерес к ценностям – и в политической, и в общественных сферах жизни России – выявил слабость социальных наук, когда дело коснулось глубинных оснований жизни человека и общества.

Тема ценностей сейчас активно продвигается в государственной пропаганде, в публицистике, отчасти в образовании. В этом проглядывает некая политическая заданность (что, впрочем, неизбежно после многих лет нашей идейной вторичности): инициатива идёт от государства. Но у этой зарождающейся тенденции есть абсолютно предметный повод – ломка всей мировой системы. Социокультурная система, созданная Европой, которая обеспечила доминирование Запада в мире на протяжении нескольких веков, себя исчерпала; многие цели достигнуты, другие отвергнуты (например, советский социалистический проект). Предлагаемые на Западе новые цели настолько противоречат естеству человека, по сути, антигуманны, слишком далеки от решения подлинных проблем людей, что не могут быть приняты большинством человечества. Гегемония без моральной поддержки – или, по крайней мере, молчаливого согласия, – невозможна, а значит, будет идти поиск новых целей.

Здесь уместно вспомнить Макса Вебера с его рассуждениями о целе-рациональности и ценностной рациональности (Вебер, 2017). Если цели не определены, то следует обратиться к ценностям; найти ответ на вопрос, что мы хотим и зачем. Опора на ценностный фундамент позволит осознать и

сформулировать новые цели развития. Такова логика действия во время кризиса.

Пока реакция социальных наук на чрезвычайный вызов очень робка. Может быть, учёные гнушаются этой темой, опасаясь слишком приблизиться к идеологической сфере, стремясь сохранить тем самым некую научную чистоту? Но ведь проблема ценностей не табуирована и политически не предопределена. Кто только не занимался этой темой последние десятилетия, – и наряду с некоторыми, правда, весьма умеренными достижениями миру явлены бесцеремонные политические и идеологические спекуляции типа беспрецедентно огромного проекта Р. Инглхарта (Инглхарт, 2023). Мало кто решается публично сказать, что король-то голый. Эти исследования «раскручены», они респектабельны, и никому не хочется оказаться на обочине «прогресса». В то время как этот «прогресс» – уходящая натура.

Профанное и сакральное

Между тем, исследования ценностей могут стать действительным прорывом в социологии. Выскажу сразу свою позицию. Нужно радикальное решение: серьёзный сдвиг будет возможным, только если признать двойственную природу человека. Человек одновременно существо профанное, то есть погружённое в материальную жизнь со своим бытом, интересами, часто мелкими, поиском выгоды или удобства, стремящееся к достижению каких-то прозаических целей, но и существо сакральное – ищущее воодушевления, поднимающееся над самим собой, способное к нравственному восхождению.

Сакральную сторону жизни человека традиционно исследуют литература, искусство и, конечно, религия – тот институт, для которого сакральное есть главный предмет деятельности. Но сакральное не пускают в социологию. И это – парадокс, ведь мы все точно знаем, что сакральное существует в нашей жизни, и даже не обязательно как священное, но как ритуалы, предрассудки и, наконец, дурные приметы. Воздух прозрачен, мы не видим его, но точно знаем, что он есть, потому что мы чувствуем дуновение ветра.

И это при том, что был Дюркгейм с его великолепным трудом «Элементарные формы религиозной жизни», был уже упомянутый Макс Вебер, был Мирча Элиаде (Элиаде, 1994). Но их усилия не получили должного развития. Можно предположить, что дело не в рациональном научном выборе, а в идеологическом решении. А это решение было принято, конечно, на ценностной основе.

Такое положение дел уходит корнями ещё в XVII–XVIII века, в эпоху создания позитивистской науки. Мораль может быть обоснована «с такой же ясностью и строгой точностью, как принципы арифметики и геометрии», – утверждал Поль Анри Гольбах (Гольбах, 1963: 8). Если вы думаете, что вы свободны, вы заблуждаетесь. Любое ваше действие есть следствие ваших желаний, потребностей, рефлексов, инстинктов, работы органов чувств, которые могут быть разложены на процессы взаимодействия химических веществ – молекул и атомов. Никакой свободы выбора

нет, есть только предопределённость. Всё может быть вычислено как движение шаров на бильярдном столе – просто имеющиеся научные инструменты пока не позволяют это сделать.

Дальнейшее развитие наук показало несостоятельность такого механицизма. Это сделала сама физика. Мир устроен сложнее, чем бильярдная. И уже никого не смущает двойственная природа микромира – волновая и корпускулярная, или не менее удивительный принцип неопределённости, утверждающий, что невозможно одновременно точно измерить положение частицы в пространстве и её импульс. Физики в XX веке далеко продвинулись в осознании антиномичности мира, в невозможности до конца описать его элементарными простыми формулами.

Однако великие уроки естественных наук не пошли впрок. Навязываемая модными «просветителями», а по сути, шарлатанами и прохвостами, идеология постгуманизма, в основе которой лежит миф об искусственном интеллекте, есть прямое продолжение упрощённого материалистического представления о мире XVIII века. Конечно, компьютерные системы, в том числе самые продвинутые – нейросети, могут решать разнообразные прикладные задачи. Но ведь этого мало, публика хочет, чтобы машина стала умнее человека. Мы наблюдаем торжество самых диких представлений о человеке. Нам рассказывают, что человека можно усовершенствовать, вставив в него нужное количество чипов (что однозначно перекликается с печально известной евгеникой). Более того, мечтают оцифровать человека; тогда ему не потребуется физическое тело, и весь он поместится на маленькую кремниевую пластинку. Если бы об этом узнал герой «Войны и мира» Пьер Безухов, он бы воскликнул: «Меня?! Мою бессмертную душу можно оцифровать?!»

К счастью, разумные учёные указывают, что человек – несопоставимо более сложная система, чем самые мощные суперкомпьютеры. И дело даже не в вычислительной мощности: в конце концов, рано или поздно будет создан квантовый компьютер. Человек – система не цифровая, а аналоговая; в работе разума участвует не только нейроны мозга, но и фактически всё тело; имеет значение и сила нервных импульсов и других сигналов, а не только «0» или «1»; и много чего ещё, что мы даже себе не представляем. Полагаю, что сложность человека сопоставима со сложностью Вселенной, именно поэтому мы можем её познавать, пока безгранично, и никакой электрический прибор, даже если он назван искусственным интеллектом, со Вселенной не сравнится. Наконец, вспоминается великий Лейбниц, разглядывающий внутри умственно увеличенного до гигантских размеров мозга нейроны и вопрошающий: «Где же здесь идеи?» В «Монадологии» Лейбниц пишет:

Вообще надобно признаться, что и все, что от него [восприятия] зависит, необъяснимо причинами механическими, то есть с помощью фигур и движений. Если мы вообразим себе машину, устройство которой производит мысль, чувство и восприятия, то можно будет представить ее себе в увеличенном виде с сохранением тех же отношений, так что можно будет входить в нее, как в мельницу. Предположив это, мы при осмотре ее не найдем ничего внутри ее, кроме частей, толкающих одна другую, и никогда не найдем ничего такого, чем бы можно было объяснить восприятие (Лейбниц, 1982: 415).

Какова природа ценностей?

Откуда они берутся, как они возникают? Возможно, некоторые ценности заложены в человека генетически, как, например, любовь матери к своему дитя. Впрочем, признаки такой любви можно усмотреть и у животных. Сюда же можно отнести и бескорыстную помощь людей друг другу. И это свойство тоже присуще некоторым животным. У кн. П. А. Кропоткина есть интересная книга «Взаимопомощь как фактор эволюции» (Кропоткин, 2020), в которой он критикует гипертрофированную оценку борьбы за существование как единственного эволюционного фактора.

Возможно, ценности зарождаются внутри общества (такое понимание было бы в духе Дюркгейма). Тогда необходимо искать самый момент зарождения и его причины. История полна подобных примеров. Вспомним лозунг Великой французской революции: «свобода, равенство, братство». Это, конечно, только политический лозунг, но за ним стоит целая система новых ценностей, новая идеология, во многом изменившая жизнь Европы, да и мира.

Наконец, на мой взгляд, главное – ценности задают пророки и великие учителя жизни: Моисей, Иисус Христос, Мухаммад, Конфуций, Будда; этот ряд можно продолжить, но он не так уж длинен. Наблюдаемое почти полное игнорирование современной наукой роли этих величайших фигур в жизни человечества и конкретного человека – удивительная странность и непозволительная ошибка. Наука в своём мейнстриме как будто боится быть обвинённой в обскурантизме, она стесняется религии, относится к религии как к исторической достопримечательности, как к культурному артефакту. Но ведь не боялся Макс Вебер в своей знаменитой лекции «Наука как профессия и призвание» вспомнить 53-ю главу книги пророка Исаяи (Вебер, 1990: 725). В этой главе Исаяи предсказывает явление Мессии, довольно подробно описывает, как Он возьмёт на себя грехи человеческие, будет предан и поруган; через семь веков явился Иисус Христос. Вебер приводит этот пример, чтобы показать, что учёный не может брать на себя роль пророка и не имеет права это делать. Науке это неподвластно – но тогда надо хотя бы признать, что существуют не только научные формы познания, что и делает Вебер, а значит, мир – не только профанный, но и сакральный.

Николай Кузанский ещё в XV веке построил систему из четырёх ступеней познания. Первая ступень – чувственное (сенсорное) познание: сигналы от внешнего мира воспринимаются органами чувств и соответствующим образом обрабатываются мозгом. Вторая ступень – рассудок: на этом уровне принимаются несложные решения, скорее, бытового характера. Третья ступень – разум: здесь человек строит сложные умозаключения, создаёт модели, осознаёт противоречия; здесь расположена наука. Наконец, четвёртая ступень – это уровень откровения, здесь обитают пророки; если говорить чуть снижено, то здесь – прозрение, интуиция, и эта ступень доступна не только пророкам: здесь великие научные открытия и величайшие достижения искусства; на этой ступени познание достигает своей предельной мощности.

Ценности зарождаются на высшей, четвёртой, ступени познания; природа ценностей сверхчувственна и сверхразумна; ценности нормативны, поскольку провозглашаются пророками или великими учителями человечества. Но затем в ходе исторической жизни ценности могут эволюционировать, изменяться, искажаться под влиянием исторических обстоятельств, научных или географических открытий, военной и политической борьбы, изменения климата, упадка или роста держав и империй и многих других факторов, составляющих жизнь обществ; могут даже создаваться системы противоборствующих ценностей – например, «раздавите гадину» Вольтера. Искусство в разных частях света было по большей мере сакральное¹. Но даже если искусство становилось атеистическим, оно то и дело возвращалось к отрицанию божественного, то есть всё же соотносилось с религиозными учениями и практиками; стать до конца эмансипированным искусству никогда не удавалось.

Вопрос времени

Системы ценностей живут тысячелетия, – но мы находимся в коротком времени, мы решаем текущие практические жизненные задачи. Кейнс элегантно пошутил по поводу вековых тенденций: «Долгосрочная перспектива – плохой советчик в текущих делах. В долгосрочной перспективе все мы мертвы». Вспомним известную «поколенческую теорию», предполагающую членение общества по поколениям с интервалом примерно 16 лет – X, Y, Z. Разница между этими поколениями действительно велика, или здесь уместно вспомнить известного персонажа из романа Булгакова: «Люди как люди... квартирный вопрос только испортил их», и разница в основном в потребительском поведении, ведь именно маркетологи вполне продуктивно используют эту теорию?

Или известный парадокс в ответах респондентов на вопрос о семье: большинство отмечает высокую важность для них семьи, часто ставят семью на первое место в своей жизни, и в то же время уровень разводов высок как никогда. Означает ли это, что респонденты лукавят? Вряд ли. Возможно, ощущение важности, по сути, сакральности семьи сохраняется в долгосрочном тренде социальной памяти, и, наряду с текущим безответственным отношением к семье многих, это тоже реальный фактор, который ещё может себя проявить. Надо помнить о важном тезисе Фернана Броделя: «Краткое время и время длительное сосуществуют и неразделимы» (Бродель, 1992: 79). Опирайтесь только на опросы нельзя, они хорошо работают только на коротком времени.

Но если опросы часто мало информативны или даже вводят в заблуждение исследователя, какие методы могут здесь быть эффективны? По-видимому, надо искать проявления ценностей в повседневной жизни, прочувствовать влияние на текущую жизнь долгосрочных нормативных ценностей. Здесь уместна аналогия с физикой микромира: элементарные частицы нельзя «увидеть» и даже измерить непосредственно, можно только наблюдать их следы в специальных детекторах, например, в пузырьковой камере или в слое фотоэмульсии. Но от этого элементарные частицы

не становятся «нереальными», они действительно существуют; только описывать микромир на старом языке механики невозможно. Вернер Гейзенберг высказал удивительную мысль: «Квантовая теория оказывается поразительным примером того, как можно понять некоторые обстоятельства с полной ясностью и тем не менее всё же знать, что о них можно говорить лишь в образах и символах» (Гейзенберг, 1989: 322). Но если уж физики добиваются понимания природы на языке «символов и образов», то чего же бояться представителям наук гуманитарных?

Как вернуть в науку сакральное?

Такая постановка вопроса вовсе не означает смешивания науки с религией, что было бы не только непродуктивно, но и разрушительно. Конечно, наука должна оставаться верной себе и своим, наработанным столетиями, методам².

Для начала надо просто шире взглянуть на поле исследований. В этом отношении есть замечательный пример – проект Питирима Сорокина по исследованию мистической энергии любви. Сорокин не побоялся ни «странной» для науки темы – альтруистической любви, ни обозначения энергии любви как мистической; он даже призвал искать методы и институты производства, накопления и распределения любовной энергии (Сорокин, 1997). При этом, чтобы вникнуть в проблему, Сорокин пользовался исключительно методами социологии. Например, он обнаружил, что любовь – это фактор долголетия: продолжительность жизни святых, а эти люди и были признаны святыми, потому что любили других и были любимы, гораздо выше, даже в разы, средней продолжительности жизни в прошлые века. Или другой факт: процент самоубийств у верующих и ведущих соответствующий образ жизни людей ниже среднего. По мнению Сорокина, многие исторические катастрофы преодолевались с помощью альтруистического облагораживания культуры и социальных институтов. Теория Сорокина – это попытка выйти из колеи, по которой долго двигались общественные науки – и в силу своего генезиса, и под влиянием политических обстоятельств и сил. Эта попытка достойна всяческого уважения и является образцом для грядущих исследований.

Я уверен, что у нас только тогда появятся сильные прорывные результаты в социологии, в том числе в исследовании ценностей, когда мы вновь поверим в человека – в его творческую созидательную силу, в его добродетели, в его стремление к справедливости и правде. Собственно, это – то, что называется гуманизмом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Питирим Сорокин убедительно выделял периоды культуры и искусства чувственного и сверхчувственного (Сорокин, 2006).

² Но и в высокомерие ей впадать не следует. Великий Ломоносов писал: «Правда и вера суть две сестры родные, дочери одного всевышнего родителя: никогда между собою в распрю прийти не могут, разве кто из некоторого тщеславия и показания своего мудрования на них вражду вклеплет» (Ломоносов, 1955: 373). А вот Эмиль Дюркгейм в «Элементарных формах религиозной жизни»: «...недостаточно, поскольку вера – это прежде всего порыв к действию,

тогда как наука, вне зависимости от того, как далеко она продвинулась, всегда держится в стороне от действий. Наука отрывочна и неполна, она развивается, но медленно, и никогда не будет завершена, а жизнь не может ждать» (Дюркгейм, 2018: 707–708).

ЛИТЕРАТУРА

- Бродель Ф.* (1992). Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс.
- Вебер М.* (1990). Избранные произведения. М.: Прогресс.
- Вебер М.* (2017). Основные социологические понятия // *Вебер М.* Власть и политика. М.: РИПОЛ классик.
- Гейзенберг В.* (1989). Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука.
- Гольбах П. А.* (1963) Избранные произведения в двух томах. Т. 2. М.: Соцэкгиз.
- Дюркгейм Э.* (2018). Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Инглхарт Р.* (2023). Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль.
- Кропоткин П. А.* (2020). Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: НИЦ «Луч».
- Лейбниц Г. В.* (1982). Сочинения в четырех томах. Т. 1. М.: Мысль.
- Ломоносов М. В.* (1955). Полное собрание сочинений. Т. 4. М., Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Сорокин П.* (1997). Главные тенденции нашего времени. М.: Наука.
- Сорокин П.* (2006). Социальная и культурная динамика. М.: Астрель.
- Элиаде М.* (1994). Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ.

Towards a New Sociology: Values and the Sacred

Valery Fadeev

Scientific Director of the Institute of Heritage and Contemporary Society.
Russian State University for the Humanities (Moscow).
6 Miusskaya Square, Moscow, 125047, Russian Federation.

E-mail: iniso@rggu.ru

Abstract. The article claims the need for a radical methodological renewal of social sciences in connection with the need to expand their subject beyond the empirical data. This task is generated by the world civilization crisis and the related problem of value foundations of social life. The dominance of the positivist tradition and the gradual displacement of non-empirical objects from the field of science has led to the inability of empirically oriented social sciences to work with the key factor of long-term regulation of social life – values belonging to the sphere of the sacred, i.e. going beyond the rational and measurable. It is necessary to turn to the unclaimed legacy of the founders of modern sociology – M. Weber, E. Durheim and P. Sorokin – and return the sacred to the field of science, recognizing it as a phenomenologically significant part of social life and relying on overcoming the limitations of positivist science instead of refusing to study inconvenient objects or replacing them with surrogate empirical forms.

Keywords: sociology, values, sacred, methodology of social sciences

For citation: Fadeev V. A. (2024). Towards a New Sociology: Values and the Sacred // *Patria*. Vol. 1. No. 1. P. 104–112.

REFERENCES

- Braudel F. (1992). *Material'naja civilizacija, jekonomika i kapitalizm, XV-XVIII vv. T. 3. Vremja mira* [Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe-XVIIIe siècle. Le temps du monde], Moscow: Progress.
- Durkheim É. (2018). *Jelementarnye formy religioznoj zhizni: totemicheskaja sistema v Avstralii* [Les Formes élémentaires de la vie religieuse: le système totémique en Australie], Moscow: Izdatel'skij dom «Delo».
- Eliade M. (1994). *Sujashhenoe i mirskoe* [The Sacred and The Profane], Moscow: Izd-vo MGU.
- Heisenberg W. (2006). *Fizika i filosofija. Chast' i celoe* [Physik und Philosophie. Der Teil und das Ganze], Moscow: Nauka.
- Holbach P. A. (1963). *Izbrannye proizvedenija v duh tomah. T. 2.* [Selected Works in 2 vols., vol 2], Moscow: Socjkgiz.
- Inglehart R. (2023). *Kul'turnaja evoljucija. Kak izmenjajutsja chelovecheskie motivacii i kak jeto menjaet mir* [Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World], Moscow: Mysl'
- Kropotkin P. A. (2020). *Vzaimopomoshh' kak faktor jevoljucii* [Mutual Aid: A Factor of Evolution], Moscow: NICz «Luch».
- Leibniz G. W. (1982). *Sochinenija v chetyreh tomah. T. 1* [Works, in 4 vols., vol. 1], Moscow: Mysl'.
- Lomonosov M. V. (1955). *Polnoe sobranie sochinenij. T. 4* [The Complete Works, vol. 4], Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk USSR.
- Sorokin P. (1997). *Glavnye tendencii nashego vremeni* [The Basic Trends of Our Times], Moscow: Nauka.

Sorokin P. (2006). *Social'naja i kul'turnaja dinamika* [Social and Cultural Dynamics. A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relationships], Moscow: Astrel'.

Weber M. (1990). *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works], Moscow: Progress.

Weber M. (2017). Osnovnye sociologicheskie ponjatija [Soziologische Grundbegriffe]. Weber M. *Vlast' i politika* [Power and Policy], Moscow: RIPOL Klassik.